УДК 343.352

Киселев С.В., к.с.н., гл. специалист министерства внутренней и информационной политики Ростовской области

Рационально-интуитивные стратегии коррупционного поведения бюрократии в русской классической литературе

Статья посвящена проблемам анализа устойчивых моделей коррупционного поведения в российском обществе и стереотипов восприятия взяточничества в бюрократическом среде и общественном сознании на примере их рассмотрения в произведениях Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова.

Ключевые слова: коррупционное поведение, рациональность, интуиция, бюрократия.

Масштабность распространения коррупции в российском обществе не вызывает сомнений. На ее злободневность указывают многочисленные социологические исследования. Личную озабоченность данной проблемой выражают не менее 25 % российских респондентов [1]. В спектре наиболее важных проблем, стоящих перед страной, после алкоголизма и наркомании, инфляции и безработицы люди уверенно выделяют неудовлетворительный уровень жизни населения и коррупцию, бюрократизм (4-5 места, 41 %) [2]. Самые серьезные претензии россияне адресуют госслужащим (чиновникам), которые ассоциируются с «ворами, взяточниками, коррупционерами, то есть теми, кто думает о личном обогащении» для каждого 10-го (11 %) респондента.

Выявление масштабов этого социального зла далеко не всегда было возможным. Привлечение социологии и ее технологического инструментария репрезентативных опросов, экспертных оценок, фокус-групповых исследований и т.д. отражает уровень современного научного анализа данной проблематики. Вместе с тем, сущностные стороны взяточничества в структуре взаимоотношений общества и органов власти не менее выпукло показывались при выявлении устойчивых стереотипов и моделей поведения российских граждан и бюрократии в произведениях классиков русской литературы, посвященных сатирическому анализу злоупотреблений чиновничества, порицаемых или поощряемых общественной средой.

Социологический анализ литературы как источника социальных знаний в целом развивался на стыке междисциплинарных исследований лингвистики, филологии, психологии, философии и собственно социологии. Активное обращение к литературе как источнику социальных знаний усилилось в связи с бурными дискуссиями 1960-70-х гг. о роли мыслительно-речевой деятельности в формировании социальных установок и стереотипов поведения. Они поднимались структуралистами (Ж. Делёзом, М. Фуко, Р. Бартом, позднее П. Бурдье) и другими исследователями взаимосвязи

социально-речевой коммуникации (К. Бёрком, Л. Дж. Филлипс, М.В. Йоргенсен, Л. Гудковым, Б. Дубиным и др. [3]). Значимость данной проблематики во французской культуре была обусловлена ее ценностью как капитала влияния местных интеллектуалов, поэтому «литература была очень важна для всех знаменитых структуралистов того времени» [4, с. 116, 117]. Так, для Р. Барта была самоочевидной достоверность отражения жизни в литературном произведении. Его убедительность не навязана и не произвольна, ибо читатель видит, что «позади текста отнюдь не скрывается некий активный субъект (автор), а перед ним не располагается некий объект (читатель); субъект и объект здесь отсутствуют», поскольку автор честен перед своей совестью и вдохновением в принимаемой для себя позиции: «Глаз, коим я взираю на Бога, есть тот же самый глаз, коим он взирает на меня» [5, с. 473]. Реализм литературного анализа человеческого бытия узнается читателем, видящем в нем свое отражение: «текст обладает человеческим обликом; быть может, это образ, анаграмма человеческого тела» [5, с. 474]. Такое же почти сакральное отношение к литературе сохранялось и в интеллектуально-духовных запросах российского общества к мировоззренческой миссии культуры.

Склонность современного социологического анализа к ориентациям «на «микросоциологические» подходы к литературе, опирающиеся на риторику и анализ дискурса» [6] вполне уживается с многообразием методологической обоснованности гуманитарных исследований. Пересекающиеся источники данных и многообразие смыслов произведений обусловили господство «теоретического и методологического плюрализма, свойственного гуманитарной доксе, которая ссылается на полисемичность текста и множественность его планов» [4, с. 124]. Отсюда возникает стремление преодолеть эклектичность аналитических выводов различных наук за счет привлечения количественных оценок. Тенденция смешивания в социологии проявляется в «использования количественных методов, в силу чего работы по исследованию литературы имеют больше шансов быть признанными в качестве научных, если они поддаются “оцифровке”» [4, с. 123]. Злоупотребление же количественной оценкой текстов упускает многоуровневые взаимосвязи контекста произведений и социальной повседневности. Именно в качественном анализе глубинных пластов речи видны поведенческие ориентации, основанные на их интуитивном вызревании, ибо, как отмечал М. Хайдеггер «предвосхищение наряду с другим тоже всегда заложенное в высказывании, остается по большей части незамеченным, поскольку язык исконно уже заключает в себе развитую понятийность» [7, с. 19].

Это также относится к теме коррупции как социального явления, отражаемой в русской литературе, прежде всего критико-реалистического направления, показывающей его укоренение не только во властно-чиновничьей среде, но и в установках общественного правосознания и речевых характеристиках данного явления. Особенно заметное место в этом ряду принадлежит часто цитируемым произведениям Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова. Но попытки рассмотрения темы коррупции в их произведениях обычно ограничиваются лишь беглым признанием «социологичности» произведений этих авторов. Произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина характеризуются, например, так: «История одного города» – блестящая и горькая сатира на русскую жизнь», «Пошехонская старина» – оригинальный сплав романа, мемуаров и социологического исследования о крепостном праве» [8, с. 340], ограничиваясь вместо их системного социологического анализа журналистскими оценками.

Поэтому одной из главных задач самой статьи выступает исследование причин благодушно-примирительного отношения к рутинно-бытовой коррупции в обще-

ственном правосознании, восприятию ее как неизбежного зла или по-домашнему снисходительно называя «позолотить ручку», «посулить», «отблагодарить», «подмазать» и т.п. В настоящей статье предлагается сравнительный анализ социально репрезентативных типов коррупционного поведения персонажей русской классической литературы через выражаемые ими характеристики криминально-речевого поведения.

Реализм описаний Н.В. Гоголем, М.Е. Салтыковым-Щедриным, А.П. Чеховым косных порядков российской жизни и бюрократии всегда привлекал внимание отечественных и зарубежных исследователей [9]. По мнению известного русского философа и социолога А. Зиновьева, выделенные писателями типы отечественной бюрократии воплотили самые разнообразные характеристики. Он отмечал, что «традиция описания чиновничьего быта и нравов, восходящая к Гоголю, была одной из сильнейших в русской литературе. Эта традиция возникла как гуманистическая. Мелкие чиновники изображались в ней как обездоленные и угнетенные существа, достойные сострадания. Радикальным образом отношение к чиновничеству изменил Салтыков-Щедрин, сделав чиновничество предметом сатиры. Впрочем, уже у самого Гоголя чиновничество стало изображаться в щедринских тонах (например, в «Ревизоре»). Чехов довел анализ сущности чиновничьих отношений до логического конца» [10].

Укорененная в российской истории зависимость общественных нужд от власти обуславливала «заискивание» перед ней и «умиротворение» посредством подкупа. При этом дающими и берущими взятки осознавалась опасность привлечения к ответственности перед законом и допустимость ошибки в определении признаков склонения к поборам, вынуждавших маскировать скрытые мотивы взяточничества. Отсюда возникал выбор двух вариантов коррупционных стратегий. В одном случае к взятке указывался ясный путь: «кому дать – сколько – что будет сделано». Во втором – ситуация лишь угадывалась и требовалась проверка готовности принятия взятки. То есть формировались два типа управленческих решений, предполагающих либо 1) осознанные, рационально обоснованные цели и средства их достижения, либо 2) интуитивно-улавливаемые ситуации криминального «созревания». Именно этот контекст развития взяткоемких ситуаций, подведения к коррупционным моделям их разрешения, раскрывается в ситуативно-речевом поведении гоголевских, щедринских и чеховских персонажей, вовлеченных в преступное действие.

Сочетание рационально-интуитивных стратегий поведения прослеживается в комедии «Ревизор» и др. произведениях Н.В. Гоголя, которые можно сгруппировать по различным типам дискурсивно-речевой коммуникации (выделяемых далее и в творчестве рассматриваемых авторов).

Коррупционная «фокус-группа» по выработке рациональных сценариев легализованного подкупа. В городе N, где разворачивается место действия «Ревизора», процветает тотальная круговая порука взяточничества. С ней вполне быстро освоился и сам «ревизор» Хлестаков, беря «взаймы» нужные ему суммы от каждого из выходивших к нему на аудиенцию городских начальников. Именно на примере этих подкупов Гоголь рассмотрел и рационально планируемые, и интуитивно-предугадываемые направления движений коррупционного акта. Овладению искусством взяткодательства посвящено было даже отдельное совещание городского начальства о способах предложения взятки петербургскому чиновнику (Хлестакову). Самым легким путем расположить к себе проверяющего их столичного чиновника представлялось полюбовно решить все вопросы с тем, чтобы, по выражению многоопытного судьи Ляпкина-Тяпкина, «подсунуть». Его предложение замаскировать

взятку «в виде приношенья со стороны дворянства на какой-нибудь памятник» было отклонено в пользу варианта попечителя богоугодных заведений Земляники решить дело кулуарно: «представиться нужно поодиночке да между четырех глаз и того… как там следует – чтобы и уши не слыхали! Вот как в обществе благоустроенном делается!» [11, с. 205]. То есть вручение взятки обуславливалось предполагаемой встречной заинтересованностью в ней чиновника «без свидетелей.

Неочевидность благополучного исхода предприятия заставляла быть крайне осторожным, улавливая едва видимые признаки готовности принять дары. На первый план тут выходили чутье, интуиция обнаружения нужного направления действий. Первым пришлось попотеть хранителю законности – судье [11, с. 206-207]. Случайно выроненные на пол деньги вызвали короткие взаимные комментарии-реплики, закончившиеся предложением Хлестакова занять их ему. Обе стороны играли в игру соблюдения внешних приличий при щекотливых обстоятельствах – Хлестаков якобы в дороге поиздержался, а у судьи средства эти по счастью тут же и оказались. Информация о благожелательном приеме посулов столичным чиновником мгновенно распространилась среди чиновников. В этом эпизоде характерны невидимые глазу сигналы готовности к коррупционному действию, которые давали наводящие признаки поддержки противозаконных побуждений. Хлестаков и N-ские городские чиновники, вовлекаясь в первично выстраиваемую коррупционную связь, изображали игру внешних приличий получения средств как бы в займы, уходя от прямых вымогательств-поборов должностным лицом.

Невербальные формы интуитивной коммуникации в подготовке коррупционного акта. Весьма тонкие формы интуитивного подношения взятки раскрываются Гоголем в поэме «Мертвые души». В хрестоматийном эпизоде ускорения Чичиковым оформления купчей в гражданской палате губернского города N даже внешность чиновника посылала сигнал к готовности наполнения «сосуда греха», поскольку соответствовала расхожему типажу, по наблюдению Гоголя, лица, «которое называют у нас в общежитье кувшинное рыло» [12, с. 133]. Его манера общения подводила клиента к нужному руслу улаживания дел не разговорами, а умалчиваемым поощрением взятки [12, с. 133-134]. Рациональным звеном ее вызревания выступало только указание на возможную затяжку формальных сроков исполнения документа, не устраивающую клиента и чиновника, остающегося без личного вознаграждения. На обращение Чичикова: «Я бы хотел… мне нужно поторопиться… так нельзя ли, например, кончить дело сегодня?» чиновник сразу обозначил барьеры ее исполнения: «Да, сегодня! сегодня нельзя. <…> Нужно навести еще справки, нет ли еще запрещений». Дальнейшие действия почти лишены слов и основываются у персонажей на интуитивных ощущениях взаимно поощряемых действий. Тестирующей фразой становится реакция чиновника на упомянутое Чичиковым знакомство с его руководителем: «не все зависит от начальника <…> бывают и другие». После этого обеим сторонам становится понятен контекст подразумеваемых коррупционных действий. Изображаемая у Гоголя ситуация мгновенно раскручивается. «Чичиков понял заковыку, которую завернул Иван Антонович, и сказал: – Другие тоже не будут в обиде, я сам служил, дело знаю… – Идите к Ивану Григорьевичу, – сказал Иван Антонович голосом несколько «полласковее», – пусть он даст приказ кому следует, а за нами дело не постоит. Чичиков, вынув из кармана бумажку, положил ее перед Иваном Антоновичем, которую тот совершенно не заметил и накрыл тотчас ее книгою. Чичиков хотел было указать ему ее, но Иван Антонович движением головы дал знать, что не нужно показывать». В этом эпизоде указываются кодируемые и интуитивно улавливаемые сигналы неформальных процедур разрешения проблемных вопросов.

Тема коррупции получила дальнейшее развитие у М.Е. Салтыкова-Щедрина. На примере истории города Глупова как сатирического обобщения одиозных, но живучих порядков российской бюрократии, писатель показал культивируемую чиновничеством и обывателями почву коррупции.

Легализация коррупционного акта во властно-распорядительной деятельности. Среди прочих нечистых на руку градоначальников Глупова писатель останавливается на Беневоленском, «друге и соратнике Сперанского по семинарии» [13, с. 106]. Рациональное обоснование поборов, контролируемых городской властью, выразилось в их легализации в первом же законе: «всякий человек да опасно ходит; откупщик же да принесет дары» [13, с. 110]. Подданные сразу поняли, чего в действительности от них хотят. Откупщик на приеме у градоначальника не замедлил сообщить, «что он и прежде был готов по мере возможности; Беневоленский же возражал, что он в прежнем неопределенном положении оставаться не может; что такое выражение, как “мера возможности”, ничего не говорит ни уму, ни сердцу, и что ясен только закон» [13, с. 110]. Обе стороны «остановились на трех тысячах рублей в год и постановили считать эту цифру законною, до тех пор, однако ж, пока “обстоятельства перемены закона не сделают”», что указывало на готовность обывателей откупаться от грозящих им опасностей, ибо «по самой своей природе, великую к такому хождению способность имели и повсеминутно в оном упражнялись» [13, с. 110]. Усилия глуповского градоначальника придать взятке статус разрешенного действия не кажутся анахронизмом, если иметь в виду закрепление действующим законодательством (см. ст. 575 ГК РФ) легитимности подарка определенного размера, который может приниматься госслужащими.

Раболепие и стремление глуповцев откупиться от притеснений власти проявилось и при исполнении требований «Устава о добропорядочном пирогов печении», где среди прочих регламентаций вменялось: «по вынутии из печи всякий да возьмет в руку нож и. вырезав из середины часть, да принесет оную в дар» [13, с. 111]. Но обыватели и сами были готовы упредить вымогательство власти, ведь они «издревле были приучены вырезывать часть своего пирога и приносить ее в дар», надеясь, что это «еще теснее скрепит благожелательные отношения, существовавшие между ними и новым градоначальником. Все наперерыв спешили обрадовать Беневоленского; каждый приносил лучшую часть. А некоторые дарили даже по целому пирогу» [13, с. 111]. Когда же находились инакомыслящие, не согласные с подношениями чиновникам, к ним применялись меры «просвещаемого» принуждения по «Уставу о свойственном градоправителю добросердечии». Кроме того им предписывалось: «буде который обыватель не приносит даров, то всемерно исследовать, какая тому непринесению причина, и если явится оскудение, то простить, а явится нерадение или упорство, напоминать и вразумлять, доколе не будет исправен». К упорствующим применялись меры «гуманного» вразумления: «просвещение внедрять с умеренностью, по возможности избегая кровопролития» [13, с. 187].

В произведениях А.П. Чехова тема коррупции неразрывно связана с разнообразным бюрократическим произволом российского чиновничества.

Коррупция как акт рутинно-бытовых поборов и почитания служащими начальства. В рассказе «Служебные пометки» воспроизводятся записи в делопроизводственном журнале начальника при рассмотрении служебной почты. На одно из обращений он накладывает следующую резолюцию: «Хотя в этом прошении и нет точных указаний на чувство благодарности, но тем не менее из некоторых пунктов явствует, что к нему было кое-что приложено… Где деньги?». Под этой фразой другим почерком было написано: «Честь имею донести вашему высокородию, что день-

ги в количестве 75 р. во время вашего отсутствия были отнесены Смирновым супруге вашей Евдокии Трифоновне. Лягавов» [14, с. 27]. Выказанная здесь услужливость подчиненных перед руководителем так задушевна, что читатель проникается подомашнему обставленной средой коррупционного кормления начальника, чьи криминальные действия давно уже вошли в заведенный распорядок пекущихся о его благе клерков.

Коррупция как откуп от корыстных побуждений вследствие злоупотребления служебным положением. В рассказе «Стена» [14, с. 259-260] собственник имения ищет управляющего. К нему приходит молодой человек без опыта данной работы, но закончивший агрономический вуз, которого наниматель предупреждает: «Делайте там, что хотите, но да хранит вас Бог от нововведений, не сбивайте с толку мужиков и, что главнее всего, хапайте не более тысячи в год. <…> Конечно, без хапанья нельзя обойтись, но милый мой, мера, мера! <…> Так вот помните же: тысячу можно… ну, так и быть уж – две, но не дальше». Возмущенный великодушием коррупционных поблажек, кандидат в управляющие с негодованием отверг предложенную работу. На помещика, однако, честность его намерений не только не произвела благоприятного впечатления, но и вызвала явное подозрение. «Нет, спаси Господи и помилуй от честных людей… Если честен, то, наверное, или дела своего не знает, или же пустомеля… дурак. Избави Бог… Честный не крадет, не крадет, да уж зато как царапнет залпом за один раз, так только рот разинешь». Налицо обозначенные писателем стереотипы мнений о вороватых российских предпринимателях, которые, по извращенной логике, пусть лучше крадут, но под контролем, чем создают иллюзию честности, кажущейся явной утопией.

Коррупция как ресурс эксплуатации приватных («блатных») отношений. Как известно, коррупция проявляется не только в виде извлечения непосредственной материальной корысти вследствие злоупотребления в личных целях служебного положения, но и путем использования т.н. «блатных» отношений. В рассказе «Интеллигентное бревно» изображена типичная ситуация использования старых связей между мировым судьей Шестикрыловым и его приятелем юности Помоевым, привлеченного к разбирательству из-за рукоприкладства к своему работнику. Помоев не понимает, как вообще может состояться разбор такого дела, если судья его давний знакомец: «Какой он мне судья, ежели мы вместе и в карты играли, и пили, и черт знает чего только не делали?» [14, с. 143]. Удаленного из заседания Помоева Шестикрылов подружески увещевал: «Ты посиди здесь, а я пойду и заочно решу. Ради Бога, не выходи! Со своими допотопными понятиями ты такое ляпнешь там, что чего доброго придется протокол составлять». Хотя дело удалось замять, приятель судьи остался крайне недоволен, поскольку тот «не умеет по-настоящему судить» [14, с. 143]. В этой ситуации оказание взаимных услуг «по знакомству» («ты мне, я – тебе») представляет собой замаскированную форму взятки.

Стратегии коррупционных побуждений персонажей классической русской литературы видны не только в их поступках, но и в стереотипах речевого поведения. Выводы данного исследования указывают на типы рационально планируемых коррупционных действий сторон при ясно обозначенной склонности к нарушению законных способов разрешения проблемных ситуаций. Переход же к интуитивно поощряемому типу коррупционного акта возникает в случае неопределенности предпосылок и исхода «созревающих» ситуаций, наличия иных рисков, повышающих «цену» криминального разрешения проблемного вопроса. В близких ситуациях один и тот же чиновник, например, из гражданской палаты г. N из «Мертвых душ» мог ясно указать на ожидаемое получение вознаграждения за его расторопные услуги, либо в

отношениях с неизвестным ему просителем (Чичиковым) молчаливо намекнуть на подразумеваемые посулы. Убедительно показанные в русской литературе мотивы взяточничества как способа преодоления бюрократических барьеров власти поощряются распущенностью обыденного правосознания, готового к нарушениям закона ради сиюминутных выгод от инициируемого нередко и самими людьми подкупа должностных лиц. К борьбе с взятками, однако, призывается надзирающая за порядком власть, а не сами граждане. Как показывают реалии наших дней и данные социологических исследований, распространенность решения проблем неформальным образом не слишком отстает от законных процедур их рассмотрения, как и во времена Гоголя, Салтыкова-Щедрина и Чехова.

Проведенный анализ показывает живучесть общественного поведения, снисходительного к взяточничеству как способу преодоления административных барьеров в речевой коммуникации обывателей и бюрократии. Данный ракурс дискурсивно-речевой оценки коррупции необходимо учитывать при выработке эффективных механизмов противодействия данному явлению, в том числе в процессе осуществления законотворческой деятельности и антикоррупционной пропаганды. В частности, при осуществлении публично-информационных действий в рамках социальной рекламы, речевого поведения политиков и управленцев, разъяснений положений антикоррупционного законодательства и др., где не должно быть раздвоения между нормативно-правовыми ее определениями и благодушными отзывами о данном явлении как «дурной привычки» или бытовой распущенности, свойственной традициям или издержкам нашего обыденного сознания. В обществе должны формироваться не комплиментарно-ироничные оценки данных криминальных явлений, а атмосфера нетерпимости, презрительного отношения к продажным представителям власти и самим гражданам, участвующим в преступном сговоре. Если суровость закона и неотвратимость наказания смогут быть подкреплены всеобщим моральным порицанием, брезгливым неприятием взятки (что, разумеется, не может произойти сразу), то это станет гораздо более действенным заслоном перед коррупцией, чем обычное ужесточение репрессивных мер ее преследования.

Литература

1. *Левада-Центр*. 23.06.2009. Россияне об острых проблемах общества [Электронный журнал] URL: http://www.levada.ru/press/2009062302.html

2. ВЦИОМ. Пресс-выпуск №1574. 03.09.2010. Чего боятся россияне? [Электронный журнал] URL: http://www.wciom.ru/index.php?id=195&uid=13787.

3. *Жиль Делез Ж*. Пруст и знаки. СПб: Алетейя, 1999. – 190 с.; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: A-cad. 1994. – 408 с.; Бурдье П. Поле литературы//Новое литературное обозрение. 2000. №45. С. 22-87.; Burke K. Language as Symbolic Action: Essays on Life, Literature and Method / K. Burke. – Berkeley, Los Angeles: Univ. of California Press, 1966. – 514 p.; Филипс Л. Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с.; Гудков Л., Дубин Б., Страда В. Литература и общество: Введение в социологию литературы. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 378 с.

4. *Боскетти А.* Социология литературы; Цели и достижения подхода П. Бурдье//Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 5. С. 115-125.

5. *Барт Р.* Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: «Прогресс», «*Универс», 1994. – 616 с.*

6. Пешио Д. Социологическое воображение в современном англоязычном литературоведении//НЛО. 2002. №58 [Электронный журнал] URL: http://www.magazines.russ.ru/nlo/2002/58/pesh-pr.html

7. *Хайдеггер М.* Бытие и время // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. – М.: «Гнозис», 1993. – 464 с.

8. *Аникин А.В.* Путь исканий: Социально-экономические идеи в России до марксизма. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.

9. *Голосенко И.А*. Три толкования феномена бюрократии в дореволюционной социологии России [Электронный журнал] URL: http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-01gol.html; Грев К. Канонизация и инструментализация Гоголя во Франции//НЛО. 2010. №104 [Электронный журнал] URL: http://www.magazines.russ.ru/nlo/2010/104/; Ковалевский М. Устарел ли Гоголь? [Речь, произнесенная в Публичном собрании 19-го марта 1909 г.]//Санкт-Петербургский университет. 2009. № 5 (3791) [Электронный журнал] URL: http://www.spbumag.nw.ru/2009/05/6.shtml; Лифшиц М. Стыдливая социология//Литературное обозрение. 1936. № 8. С. 36-41; Яковенко И.Г. Гоголь и мы//Социс. 2009. № 7. С. 144-149 и др.

10. *Зиновьев А.* Мой Чехов. – 21 Апрель, 2010. [Электронный журнал] URL: http://www.zinoviev.info/wps/archives/161

11. *Гоголь Н.В.* Ревизор // Гоголь Н.В. Повести; Драматические произведения. Л.: Худож. лит., 1983. – 328 с.

12. *Гоголь Н.В.* Мертвые души: Поэма. М.: Худож. лит., 1985. – 368 с.

13. *Щедрин Н.* (Салтыков М.Е.) История одного города // Щедрин Н. (Салтыков М.Е.) История одного города. Господа Головлевы. Сказки. – М.: «Московский рабочий», 1972. – 536 с.

14. *Чехов А.П.* Скука жизни: Рассказы. 1885-1886 гг. – М. ООО «Фирма «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 1999. – 736 с.

УДК 35.08

Овчаренко Р.К., к.с.н., доц.

Совершенствование управления гражданской службой глазами чиновников

В статье рассмотрены проблемы совершенствования региональной системы управления гражданской службой. В обобщенном виде приведены мнения и оценочные суждения чиновников в отношении технологий и процедур реформирования гражданской службы Ростовской области.

Ключевые слова и словосочетания: управление гражданской службой; система распределения выпускников управленческих вузов; информационные и инновационные технологии; система профессиональной оценки; аутсорсинг; апелляционные комиссии.

Одним из важнейших направлений модернизации государственного управления современной России является реформирование государственной службы. Эта реформа осуществляется в соответствии с федеральной программой «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009-2013 годы)», утвержденной Указом Президента РФ от 10.03.2009 №261. В соответствии с указанной программой важным направлением реформы является создание системы